

Мари Соль

ВСЕГО ЛИШЬ ЛЮБОВЬ

УДК 82-3
ББК 84-4
С60

Соль М.

С60 Измена. Мой непрощённый / Мари Соль – М.: Литнет, 2025. – 388 с.

ISBN 978-5-521-93464-5

Терпение на исходе, и я беззвучно стою, вжимаясь затылком в сиденье машины. Я до последнего думал: «развод – это блажь». Что Настя не сможет вот так отказаться от жизни, от нашей семьи. Эта измена была просто поводом! Не будь её, повод нашёлся бы всё равно? Никогда не забуду, с каким наслаждением она сунула мне эту чёртову папку. Как будто хотела развода. Ждала, когда сможет расстаться со мной. Мне до сих пор кажется, что я убью любого, кто посмеет приблизиться к ней. Но зачем? Ведь она не моя! Но в ладонях свербит, и мне с трудом удаётся взять себя в руки...

ДВУХТОМНИК

Книга 2. Продолжение истории про Настю и Илью. Читать вместе с книгой: "Твоя случайная измена".

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93464-5

© Литнет, 2025
© М. Соль, 2025

Глава 1. Вита

Асфальт кое-где ещё мокрый. Ночью был дождь. А я не заметила. Надо же! Я ничего не заметила. Лёжа в постели, и слыша, как Шумилов вернулся, разделся и лёг, я думала лишь об одном. Да как же он мог поступить со мной так...

Нестерпимая боль не давала заснуть. Но с утра я была очень собранной. Приготовила завтрак, погуляла с Капустиным. Труднее всего было видеть Шумилова. В каждом слове которого слышалась фальшь! Нет, я не ждала покаяния. Наверное, даже боялась его? В бессоннице я размышляла о том, как могло получиться.

Выходит, что я позвонила Милане. Сказав ей, что якобы «я – у неё». А она? Позвонила Шумилову? Пригласила его «на чаёк». И, пока я боролась с собой и с Никитой, они ублажали друг друга у меня за спиной. Как давно это длится? Как давно он её навещает? И все его «я буду поздно», «у нас конференция, нужно готовиться». Все эти отмазки были лишь для того, чтобы сбежать от меня?

Почему он молчал? Почему не сказал, что влюбился в подружку? Пожалел. Как тогда...

Но теперь у нас есть общий ребёнок. Который меня отвлекает, играя с ремнём безопасности.

– Тош, ну не дёргай его! – роняю достаточно резко.

– Ты же знаешь, что я не люблю быть пристёгнутым, – отвечает, насупившись.

Господи, как хорошо, что сейчас лето. И скоро Антоша уедет! Почти каждое лето с друзьями он отправляется в лагерь. В первый раз не хотел. Ему было 7 лет. Он был так привязан ко мне. Помню, плакала! А Костя меня убеждал, что эта разлука пойдёт нам на пользу. Что там он найдёт себе новых друзей. Так и вышло!

И на следующий год сын уже с марта стал выяснять: а когда будет первый заезд?

– Антош, я на связи! Звони, когда нужно забрать, – говорю я, паркуясь у школы.

Учёба окончена. Но ребята ещё посещают кружок. А по правде сказать, не хотят расставаться на лето! Одноклассник Санёк Иванов и ещё один друг, Рафаил – это та ещё троица. И невольное сходство с другой, вынуждает сглотнуть подступившие слёзы...

Интересно, а Толик Зарецкий, наверное, в курсе, что его лучший друг изменяет жене? И как он относится к этому? Мне помнится, он никогда не любил меня. Считал зазнайкой! И только их тесная дружба с Шумиловым не давала сказать мне всю правду в лицо.

Его подковырки, вроде:

– У кого-то родители, а у кого-то покровители, – в ответ на замечку о том, что с отцовскими связями он может всё.

Вспоминается наш разговор с Костей. Когда он сказал, что Зарецкая Анька – изменщица. Закидывал «удочку»? Ждал, что отвечу. Решался, наверное, сказать или нет...

Я целую Антона и смотрю ему вслед. Сын высокий и ладный, в отца. Майка тоже в отца. Вот только цветом волос они оба – в меня. И светлой, веснушчатой кожей.

Вспоминаю пощёчину, что дала напоследок Шумилову. А щека почему-то горит у меня! И не только щека. Всё горит, нарывает! И внутри и снаружи. Как мог он... с Миланой? Как мог?

Не хочу его видеть сейчас. Не могу его видеть! А вот подругу, пожалуй, хотелось бы.

Рядом с кафе пахнет выпечкой. Цех находится тут же. В последнее время штат наш немного порос. Я приняла на работу технолога, двух поваров. Милана по-быстрому их обучила. И теперь концентрирует свой потенциал на тортах. Оформляет витрину, где было задумано выставить самый красивый на вид и на вкус образец. И менять его каждый сезон!

Летом – яркий, похожий на клубу, двухъярусный торт. Осенью – целый пейзаж с золотистыми листьями, как будто прилипшими к сладкому боку. А зимний вариант круче всех! Просто сказочный торт. Которым мы всех угощаем в канун новогоднего праздника. Торжественно режем его на тончайшие ломтики и вручаем всем тем, кто пришёл в этот день.

Застываю у двери. И вижу машину её. Она здесь! Думаю: знает, не знает? Выдыхаю. Вхожу.

С утра посетителей мало. Один бизнесмен, или офисный служащий, решил выпить кофе. Девчонки-студентки, наверное, здесь вместо пар? Я кусаю губу и кивком выражаю приветствие двум официанткам.

По дороге в подсобку, минуя пекарню, откуда доносятся запахи утренней выпечки, я слышу знакомое пение. Мила в комнате отдыха, стоит и колдует над грандиозным тортом. Очевидно, тем самым, о котором она говорила вчера?

Гладкие стенки украшены мастикой в форме цветов. Они как живые! Так и тянет понюхать.

– С днём рождения, Кристина? – подхожу со спины.

– Ой, Вит! Это ты? Напугала! – подпрыгнув от неожиданности, Мила едва не роняет «волшебную палочку», которой правит один из лепестков, – Поломался, прикинь, пока ехал?

По её беззаботному тону я понимаю, что Мила не в курсе того, что я знаю. И думаю, как бы начать разговор.

– Красота, – подхожу я к торту. И, отломив лепесток одного из пионов, кладу себе в рот.

Мила, застыв, смотрит так удивлённо, как будто я откусила кусок от неё самой:

– Дольская! Ты обалдела? Ты чё творишь?

– Это ты чё творишь? – прерываю поток неуместных вопросов.

– В смысле? – глаза у Миланы распахнуты. В них читается лёгкий испуг, – Я работаю, вообще-то!

– Да? – издаю лёгкий вздох, – А я полагала, ты спишь с моим мужем.

Застыв в одной позе, она продолжает смотреть. Но уже непонятно, чего в её взгляде больше: удивления, страха, смутения.

– Ты не с той ноги встала, подруга? Чё ты несёшь? – пытается Мила перечить.

Но я уловила сарказм.

– Не утруждайся, Милан! Я всё знаю. Про тебя и Шумилова. Просто хотела понять, как давно? Как давно вы меня предаёте? И как часто? С какой периодичностью? Раз в неделю? Два? Три?

Обломки цветов тихо сыплются на пол. Милана стоит, наблюдая за мной. За тем, как я медленно, капля за каплей, порчу её кулинарный шедевр.

Она не пытается мне помешать. И меня это бесит!

– Ну, что ты молчишь? – восклицаю, проткнув тонкий слой шоколада.

Стон, который она издаёт. Он такой... Словно это её я проткнула! И не пальцем. А как минимум, острым ножом.

– А что ты хочешь услышать? Признание? – дрожащий, пропитанный едкостью голос, так мало похож на неё...

– Хотя бы, – застываю с другой стороны от торта и смотрю ей в глаза.

Мила смеётся с какой-то отчётливой горечью:

– Ты никогда не любила его! Вот и всё.

– Почём тебе знать, кого я любила, а кого нет? – бросаю я, сжав кулаки.

– Я слишком давно тебя знаю, подруга. Ты любишь того, кто не любит тебя. А того, кто поистине любит, ты мучаешь и заставляешь страдать. Но зачем?

– Что ты несёшь? – восклицаю я, – Что это значит вообще?

– А то и значит, – она подаётся вперёд, – Он устал от тебя! От твоей нелюбви. От любви к Богачёву. Он так нуждался во мне. И не толь-

ко как в друге! Как в женщине. Это должно было случиться...

Я сквозь зубы цежу ей:

– Заткнись, – я уже не хочу это слышать.

Но Милана никак не желает заткнуться. Её прорвало!

– Что, не нравится? – криво смеясь, продолжает она, – Думала, он всю жизнь у твоих ног проведёт? Не надейся! Его терпение кончилось. Он просто боялся тебе рассказать обо всём.

Я смотрю на неё и не верю. Это Мила, Миланка? Моя... не подруга. Сестра! Ведь мы с ней практически сёстры. Всю жизнь, с юных лет, мы дружили, делили всё поровну. Беды и горести. Счастье, успех. И... мужчин?

– О чём он боялся сказать мне? – шепчу я.

– О нас! – отвечает Милана, её взгляд превращается в высокомерный, – Только Антон не давал ему бросить тебя.

– Как давно? – прерываю вопросом.

Она усмехается:

– Только это имеет значение? А я бы спросила: «как сильно»? Как сильно мы любим друг друга? Как сильно мне жаль! Извини.

Это слово в её исполнении лишено всех присущих ему атрибутов. Раскаяния, боли, надежды.

А я? Я на выдохе делаю то, о чём буквально вчера не могла и помыслить...

Ладони врезаются в торт! Он летит на неё с пьедестала. Милана, успев отскочить, издаёт странный звук.

– Ты..., – её грудь начинает ходить ходуном, кулаки напряжённо сжимаются.

И, когда она с рёвом летит на меня, я готова...

Мы падаем вместе. В ту массу, что всего пару мгновений назад называлась тортом. И хватаем друг друга за всё, что торчит! За одежду, за волосы. И ярость бушует внутри, как костёр. И всё, что мне хочется сделать сейчас – причинить ей такую же боль, как она причинила...

Скользкое месиво пахнувшей сладостью выпечки забивается всюду. За шиворот, в узкие прорези брюк, в рукава. Я кричу и пытаюсь вернуть превосходство! Но ладони Миланы вцепились мне в волосы. То ли запутавшись в них, то ли правда желая того... Она дёргает, выдрав большой рыжий клочок из моей шевелюры.

Я кричу, залепив ей тортом прямо в глаз! А потом... Машинально нащупав серёжку на ухе, сжимаю в руке...

– Аааааа! – что-то животное слышится мне в этом крике.

Оставив меня, Мила падает на спину. Её крик превращается в стон. А ладони её прижимаются то ли к щеке, то ли... к мочке?

Пол подо мной очень скользкий. Но я, тем не менее, сев, раскрываю свой левый кулак. В нём серьга! С крупным синим топазом.

«Как же она отцепилась?», – рассеяно думаю я, – «Ведь не клипса».

Но потом замечаю – застёжка в крови! До меня постепенно доходит весь ужас того, что я сделала. И горестный стон продолжает звучать в голове. В какой-то момент порываюсь утешить её, извиниться. Но меня осаждает поток грязных слов, различимый сквозь всхлипы:

– Дрянь, сука... Ты что натворила? Ты сука! Уродина, рыжая дрянь...

Оглядевшись вокруг, я теряю дар речи. Начинка торта была красной. И, если не знать, что это был торт, то можно решить – мы убили кого-то, и съели... Он всюду! Весь пол перепачкан останками праздничной выпечки. Ошмёток её даже на потолке! Туда-то он как угодил?

Я сижу, продолжая держать на ладони серёжку. И дышать, словно загнанный зверь. Когда дверь открывается. И трое испуганных женщин встают на пороге.

– О, божечки! – ахает Лида, наш новый технолог.

– Вы что, Виталина Михална? Вам плохо? – растолкав замеревших, стремится ко мне официантка Лариса.

Но, увидев лежащую сбоку Милану, так и встаёт, не дойдя до меня.

– Бабоньки! Да вы чего? Вы чего тут устроили? – первое всех понимает Наташа. Дородная женщина-повар. Которой нет равных в способности печь и месить.

Я молчу, краем глаза увидев, как Мила встаёт, зло отвергнув попытку Наташи помочь ей.

– Это что же, сегодняшний торт? – выдыхает Лариса. И в голосе слышатся слёзы.

Мне не жалко его, этот торт. Мне так пусто! Вообще наплевать. И на этих девчонок, невольных свидетельниц нашего с Милой позора. И на неё, чья серьга до сих пор обжигает ладонь. И уж тем более, на гостей, чей именинный шедевр оказался размазанным по полу.

Опираясь о ножку стола, я встаю, оставляю серёжку на грязной столешнице. Иду в направлении выхода. Хрипловато прошу официантку:

– Ларис, приберите тут всё.

– А торт? – она переводит испуганный взгляд на Милану.

Я выдыхаю:

– С витрины возьмите. Десерт за наш счёт.

– Н-но..., – порывается Лара.

Но я уже не слышу её. Я уже никого не слышу...

Закрывшись в туалете, боюсь посмотреть на своё отражение в зеркале. Выходить в таком виде нельзя! И я трачу без малого час, чтобы вернуть себя в божеский вид. Смываю с лица и волос липкий торт. В месте, где прядь была вырвана, до сих пор больно. На щеке проявляется след от ногтей, когда умываюсь.

«Господи», – думаю я, – «Что со мной? Никогда и ни с кем не дралась! А сегодня как будто меня подменили».

Руки дрожат, когда, сняв с себя брюки и блузку, стираю над мойкой остатки торта. Уйма сухих полотенец уходит, когда я пытаюсь их высушить. Хотела повесить в туалете сушилку для рук! Отчего не повесила?

Когда выхожу, в зале пусто. На выдохе быстро шагаю к двери. И только закрывшись в машине, ощущаю себя в безопасности. Мнимой, конечно! Но здесь хотя бы никто не увидит меня. И не спросит меня ни о чём.

Понимаю, что медлить нельзя. Того и гляди разрыдаюсь! Домой возвращаться нет смысла. Решаю поехать на Невского. В этой квартире, которая многое видела, можно найти долгожданный приют.